

DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-3-14-28
УДК 331.101.6(045)
JEL J24, O40

Россия в мировой системе производительности труда*

Е.В. Балацкий

Финансовый университет, Москва, Россия; ЦЭМИ РАН, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-3371-2229>

Н.А. Екимова

Финансовый университет, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0001-6873-7146>

АННОТАЦИЯ

В статье обрисовывается общая диспозиция стран в современной мировой системе производительности труда, а также место Российской Федерации в сложившейся страновой иерархии. Отмечается, что по своим количественным характеристикам Россия попадает, по терминологии И. Валлерстайна, между странами ядра и периферии, являясь тем самым типичным представителем государств полупериферии. Расчеты показывают, что в интервале 1995–2005 гг. прирост производительности труда в России был на 15% обеспечен фактором экстенсивного увеличения отработанных часов, т.е. ростом эксплуатации труда. Во временном интервале 2006–2018 гг. этот процесс обратился вспять и завершился в 2019 г. официальным провозглашением премьер-министром страны Д. Медведевым реформы рабочей недели в направлении ее сокращения до четырех дней. Все это открывает эру социально ориентированной доктрины роста производительности труда. Однако преодоление Россией синдрома полупериферийности происходит на стадии охлаждения технологического прогресса и тотального замедления темпов роста производительности труда. Анализ показал, что проведение в жизнь целевых нормативов в отношении производительности труда, обозначенных в официальных нормативных документах, позволит сократить отставание России от стран ядра. Однако проведенные прогнозные расчеты свидетельствуют, что даже при самых благоприятных обстоятельствах страна может стать полноправным участником мирового рынка передовых технологий только к 2038 г. Тем самым обоснован тезис о невозможности быстрых результатов в реализации Россией стратегии догоняющего развития из-за крайне низкого уровня ее нынешней технологической базы, что предполагает стратегию ступенчатых реформ процесса технологического перевооружения российской экономики.

Ключевые слова: производительность труда; технологический прогресс; продолжительность рабочей недели; экономическая полупериферия

Для цитирования: Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Россия в мировой системе производительности труда. *Мир новой экономики*. 2019;13(3):14–28. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-3-14-28

Russia in the World System of Labor Productivity**

E.V. Balatsky

Doctor of Economics, Professor, Director of the Macroeconomic Research Center of the Department of Economic Theory, Financial University, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-3371-2229>

N.A. Ekimova

Ph.D. of Economics, Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Macroeconomic Research, Financial University, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0001-6873-7146>

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Правительства РФ Финансовому университету на 2019 г., по теме «Формирование системы методической и организационной поддержки повышения производительности труда».

** The article is based on the results of studies carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Government of the Russian Federation to the financial University for 2019, on the topic: "Formation of a system of methodological and organisational support for increasing productivity".

ABSTRACT

The article deals with the disposition of countries in the world system of labour productivity and the place of the Russian Federation in the current country hierarchy. It is noted that Russia is a typical representative of the semi-periphery (in the terminology of Wallerstein). Calculations show that in the period 1995–2005 the increase in labour productivity in Russia was 15% due to the factor of extensive growth in hours worked, i.e. due to the growth of labour exploitation. This process was reversed in the period 2006–2018 and ended in 2019 with the official proclamation by Prime Minister Dmitry Medvedev of the workweek reform in the direction of its reduction to four days. It opens an era of the socially oriented doctrine of productivity growth. However, the main problem of Russia is the slowed of technological progress and the slowdown in productivity growth. The analysis showed that the implementation of the target standards for labour productivity, indicated in the official regulations, will reduce the backlog of Russia from the core countries. Forecast calculations show that even under the most favourable circumstances, the country can become a full participant in the world market of advanced technologies only by 2038. Thus, we substantiated the thesis about the impossibility of rapid results in the implementation of Russia's catch-up development strategy due to the extremely low level of its current technological base, which involves a strategy of step-by-step reforms of the process of technological re-equipment of the Russian economy.

Keywords: labour productivity; technological progress; workweek; economic semi-periphery

For citation: Balatsky E.V., Ekimova N.A. Russia in the world system of labour productivity. *Mir novoj ekonomiki* = *World of the new economy*. 2019;13(3):14–28. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-3-14-28

ВВЕДЕНИЕ

Производительность труда (ПТ) является одним из наиболее удобных и интегральных измерителей уровня технологического развития общества. Сегодня ПТ считается важным экономическим показателем, который тесно связан с экономическим ростом, конкурентоспособностью и уровнем благосостояния общества. В традиционной трактовке ПТ представляет собой общий объем производства (измеряемый в пересчете на валовой внутренний продукт — ВВП), произведенный на единицу труда (измеряемый в пересчете на число занятых или на количество отработанных часов одним работником) в течение данного отчетного периода. Этот показатель позволяет оценивать уровни и темпы роста затрат ВВП на рабочую силу с течением времени, обеспечивая тем самым общую информацию об эффективности и качестве человеческого капитала в производственном процессе. ПТ может быть рассчитана в стоимостных и натуральных единицах.

В советское время параметр ПТ был одним из самых главных макроэкономических показателей, который планировался и регулировался. В последние годы ПТ вернулся в регуляторный дискурс и превращается в целевой макроэкономический индикатор. Так, например, Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» была поставлена задача увеличить производительность труда к 2018 г. в 1,5 раза относительно 2011 г. Данная цель достигнута не была: увеличение производительности

составило только 5,5% [1]. 30 августа 2017 г. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам была утверждена программа «Повышение производительности труда и поддержка занятости» на 2017–2025 гг., в которой предусмотрено повышение производительности труда на предприятиях-участниках не менее чем на 30%, и была начата работа по ее практической реализации¹. Сегодня повышение производительности труда — одно из приоритетных направлений российской экономической политики, определенное в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (п. 9), где предусмотрен рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5% в год. Такое внимание к ПТ связано с явным технологическим отставанием России от передовых экономик мира и попыткой властей изменить сложившееся положение дел. Судя по всему, появление в нормативных документах ПТ в качестве целевого ориентира приведет к формированию разных механизмов роста данного показателя и «силовому» внедрению технологического прогресса.

¹ Информация о принятых региональных программах представлена на сайте Министерства экономического развития Российской Федерации (<http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/lp/201819022>).

Цель данной статьи состоит в уяснении диспозиции России в мировой экономике с точки зрения ПТ, а также в получении непредвзятых оценок будущих сдвигов на данном фронте экономического развития страны.

ОБЗОР РАБОТ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ АНАЛИЗУ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Сравнительному анализу разных стран по показателям производительности труда посвящено немало работ как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Интерес к данной теме вызван необходимостью осознания места той или иной страны на мировой карте ПТ и поиска возможностей его изменения с учетом мировых трендов развития экономики. Данный анализ позволяет отстающим странам применять и адаптировать опыт лидеров в области повышения ПТ.

Большая часть сравнительного анализа в работах зарубежных авторов посвящена выявлению факторов, лежащих в основе различий в росте ПТ. Так, в работах [2–4] анализируется отставание стран Европейского союза от США, и в качестве факторов, позволяющих сократить разрыв между странами ЕС и США, отмечаются такие, как внедрение IT-технологий и инвестиции в наукоемкие (нематериальные) активы. В исследовании [5] отмечается, что для развивающихся стран характерны большие разрывы в производительности между различными секторами экономики. Опыт развитых стран показывает, что структурные изменения могут стать существенным фактором повышения ПТ и экономического роста. В работе [6] дается классификация европейских стран в зависимости от характера роста производительности и выделяются четыре следующие группы: северные страны, в которых преобладают инвестиции в человеческий капитал и рост многофакторной производительности труда (МФП); страны с либеральной экономикой, где в приоритете инвестиции в основной капитал и рост производительности труда; страны континентальной Европы с умеренно высокими инвестициями в человеческий капитал и относительно низкими — в физический; страны южной Европы с наименьшими инвестициями в человеческий капитал и низким ростом производительности труда.

Анализируя экономическое развитие современной России, многие исследователи отмечают впечатляющие темпы роста российской экономики

в период с 1998 по 2007 г., вызванные, главным образом, ростом производительности труда за счет загрузки свободных производственных мощностей и увеличением численности работников [7, 8]. Это позволило, по мнению авторов указанных исследований, увеличить ПТ в 1,7 раза и в определенной степени сократить отставание России от США. Однако даже столь высокие темпы роста не позволили России ликвидировать это отставание и приблизиться к уровню наиболее развитых стран. Согласно проведенным расчетам, отставание России по уровню производительности от США на 2006 г. составило 3,7 раза [9]. В свою очередь, сохранение столь высоких темпов (на уровне 6–7%) позволило бы России к 2025 г. существенно приблизиться к уровню ПТ в США, Великобритании и Франции [10].

К началу нового десятилетия XXI в. основной потенциал «восстановительного» роста ПТ был практически исчерпан, что актуализировало проблему поиска новых источников ее увеличения, ключевыми из которых были признаны повышение эффективности организации труда и модернизация устаревшего оборудования и неэффективных технологий [7–9].

Сравнительные исследования, проводимые в указанных направлениях в последующие годы, показали, что Россия на мировой карте ПТ находится в числе аутсайдеров и в среднем отстает от США на одно технологическое поколение [11]. В исследовании [12] рассчитано, что к 2016 г. отставание России от США по показателю ПТ на одного занятого составило 3,87 раза. При этом, с одной стороны, наблюдалась положительная динамика относительно 2000 г., когда разрыв составлял 4,92 раза, с другой — сокращение разрыва в основном пришлось на период до 2010 г., когда отставание составило 3,82 раза. В последующие годы темпы ПТ в России и в США в среднем сокращались, что не позволяло нашей стране сокращать отставание [13].

Значительная часть работ анализирует производительность труда не только в пересчете на количество занятых, но и с учетом количества отработанных часов [14, 15]. В исследовании Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации отмечается, что в период с 2005–2015 гг. динамика роста уровня ПТ в России была схожа с тенденциями изменения данного показателя в странах ОЭСР, однако, отставание от стран с развитыми экономиками оставалось значительным

(более чем в 2 раза)². Аналогичные тенденции показаны и в работе [16], где отмечаются высокие темпы прироста показателей производительности, доходности и интенсивности труда в России, несмотря на ее низкие позиции среди стран-лидеров по этим показателям.

Невзирая на большое число работ, посвященных сравнительному анализу стран по производительности труда, в современной литературе практически отсутствуют исследования, характеризующие современное положение дел. Задача данной статьи ликвидировать указанный пробел.

ИЗМЕРЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА: МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА

Прежде чем перейти к цифровому анализу, рассмотрим существующие методы измерения ПТ, среди которых можно выделить два принципиально разных международных подхода с незначительной вариацией с учетом чисто российской специфики [17, 18].

1. *Методология Международной организации труда (МОТ)*. В соответствии с этой доктриной ПТ (*Labour productivity, LP*) представляет собой количество продукции, произведенное за определенный период времени в расчете на одного работника³:

$$\text{НПТ} = \frac{\text{ВВП в постоянных ценах}}{\text{Общая численность занятых}}. \quad (1)$$

Плюсом данного подхода является то, что сегодня в международной статистике имеются длинные временные ряды данных по всем странам, что позволяет проводить межстрановые сравнения и сопоставления. Минус подхода МОТ состоит в том, что он искажает истинное положение дел, так как не учитывает различия в продолжительности рабочего времени между странами. В дальнейшем исчисляемую по методологии МОТ ПТ будем называть *номинальной ПТ* (НПТ).

² Производительность труда в Российской Федерации. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации: Социальный бюллетень, июнь 2017. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13612.pdf>.

³ Decent Work and the Sustainable Development Goals: A Guidebook on SDG Labour Market Indicators, Department of Statistics (STATISTICS), Geneva: ILO, 2018. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_647109.pdf.

2. *Методология Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)*. В соответствии с этим подходом ПТ представляет собой валовый внутренний продукт (*Gross Domestic Product, GDP*) в расчете на час отработанного времени занятыми в стране (*GDP per hour worked*)⁴:

$$\text{РПТ} = \frac{\text{ВВП в постоянных ценах}}{\text{Общее количество отработанных часов всеми занятыми}}. \quad (2)$$

Преимущество подхода ОЭСР по сравнению с подходом МОТ состоит в совместном учете воздействия многих факторов, в том числе различий в продолжительности рабочего времени. Данный фактор ПТ является чрезвычайно важным, так как учитывает своеобразный коэффициент эксплуатации, который обеспечен не технологическим прогрессом, а экстенсивным ростом отработанных часов. Минусом этого подхода является отсутствие информации по многим странам мира. В дальнейшем исчисляемую по методологии ОЭСР ПТ будем называть *реальной ПТ* (РПТ).

3. *Методология Росстата*. В России рассчитывается *индекс производительности труда*⁵, который характеризует изменение производительности труда во времени:

- по экономике в целом:

$$I_{\text{ПТ}} = \frac{I_{\text{ВВП}}}{I_{\text{ЗТ}}} \times 100\%, \quad (3)$$

где $I_{\text{ВВП}}$ — индекс физического объема ВВП периода t к периоду $t - 1$; $I_{\text{ЗТ}}$ — индекс совокупных затрат труда периода t к периоду $t - 1$;

- по отраслям экономики (определенных в концепции системы национальных счетов):

$$I_{\text{в.д.с}} = \frac{I_{\text{дс}}}{I_{\text{ЗТ}}} \times 100\%, \quad (4)$$

где $I_{\text{в.д.с}}$ — индекс производительности труда по отрасли периода t к периоду $t - 1$; $I_{\text{дс}}$ — индекс физического объема валовой добавленной стоимости по отрасли периода t к периоду $t - 1$; $I_{\text{ЗТ}}$ — индекс совокупных затрат труда периода t к пе-

⁴ URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/gdp-per-hour-worked/indicator/english_1439e590-en.

⁵ URL: <http://www.gks.ru>.

риоду $t - 1$. Разработка показателя осуществляется по отраслям, в которых преобладает рыночное производство;

- по субъектам РФ:

$$I_{пт} = \frac{I_{врп}}{I_{зт}} \times 100\%, \quad (5)$$

где $I_{врп}$ — индекс физического объема ВРП в основных ценах периода t к периоду $t - 1$; $I_{зт}$ — индекс совокупных затрат труда по региону периода t к периоду $t - 1$.

Для сопоставимости уровней производительности труда по странам показатель ВВП берется в долларах США по паритету покупательской способности (ППС). Несложно видеть, что ПТ, исчисляемая по методологии Росстата, совпадает с НПТ и не учитывает фактор эксплуатации труда.

МЕЖСТРАНОВОЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА: СИНДРОМ ПОЛУПЕРИФЕРИИ

Измерение ПТ по методологии ОЭСР позволяет нарисовать максимально объективную картину международной диспозиции с учетом фактора эксплуатации труда, поэтому в данном исследовании расчеты проводились именно по ней. Динамика структуры мировой системы РПТ с 1995 по 2017 г. приведена в *табл. 1*, которая позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, в мире постепенно происходит выравнивание РПТ путем утраты многими странами социальных и технологических достижений. Например, в 1995 г. 10 стран ЕС имели более высокую РПТ, чем в США, тогда как в 2017 г. — только 5. Разрыв в РПТ между странами-лидерами сокращается. В каком-то смысле можно говорить о постепенном крушении европейской модели РПТ, которая базировалась на высоком технологическом уровне и умелом менеджменте на фоне комфортных условий труда, включая умеренное число отработанных часов, то есть длительность рабочей недели. Далее будет показано, что наблюдаемое выравнивание происходит прежде всего за счет выравнивания условий труда в части длительности рабочего дня. Не исключено, что мир стоит на пороге нового витка сокращения рабочего времени, однако этот новый цикл пока не начался, а старый завершился, в связи с чем и наблюдается нивелирование различий в РПТ.

Во-вторых, Россия в мировой системе РПТ занимает замыкающее положение, оказавшись

между развитыми и развивающимися странами. На сегодняшний день Россия отстает даже от таких стран, как Южная Корея, Латвия, Литва и Турция, а опережает лишь такие государства, как Мексика и ЮАР. Это обстоятельство является центральным в понимании места России в мировой системе РПТ. Фактически Россия на десятилетия зависла между развитым и неразвитым мирами: не желая оставаться среди технологических аутсайдеров мира, она не может войти и в круг избранных стран. Согласно И. Валлерстайну, в мировой системе следует выделять три группы стран — ядро, периферию и полупериферию. По его мнению, в самом сложном положении оказываются именно страны полупериферии, которые, с одной стороны, испытывают постоянное давление со стороны стран ядра, а с другой — сами оказывают давление на государства периферии [19, с. 96]. Используя данные категории, можно утверждать, что драматизм сегодняшней России сопряжен с ее местом в качестве страны полупериферии, которая примерно в равных пропорциях имеет элементы производственной системы стран ядра и периферии, а по количественному критерию РПТ попадает строго между ними.

В-третьих, в последние 2–3 десятилетия относительно России прослеживается вполне явный догоняющий тренд, состоящий в том, что разрыв в РПТ между ней и странами ядра постепенно сокращается. Одновременно с этим просматривается и тенденция к более динамичному развитию России по сравнению со странами периферии. Например, в 1995 г. отставание России от ЕС составляло 2,4 раза, а к 2017 г. оно сократилось до 2,0. Относительно США отставание России в 1995 г. составляло 3,0 раза, а в 2017–2,7. Аналогичным образом Россия в 2001 г. по РПТ совсем незначительно опережала ЮАР — в 1,1 раза, а в 2017 г. — уже в 1,3 раза. Более того, на *рис. 1* хорошо видно, что по сравнению с ЮАР у России более выражена стабильность технологического развития. Например, даже спад РПТ в России после 2014 г., когда в отношении нее начали действовать международные санкции, был менее значительным и резким, чем спад в ЮАР после 2015 г.

Остановимся более подробно на факте утраты странами ядра социальных преимуществ в части сокращения рабочего дня. Рассмотрим для этого данные *табл. 2*. Несложно видеть, что за 22 года из 10 стран, опережавших США по показателю РПТ, таковых осталось только 5, среди которых преиму-

Таблица 1 / Table 1

**Динамика РПТ (по методологии ОЭСР) по странам мира, долл. США на 1 ч
работы, постоянные цены 2010 г. / Dynamics of Real Productivity (according to OECD
methodology) by countries of the world, in \$US per 1 hour, constant prices 2010**

Страна / год	1995	2000	2005	2010	2015	2017
Австралия	37,4	42,2	45,3	48,0	52,2	52,7
Австрия	43,8	47,8	51,9	55,1	57,7	58,2
Бельгия	52,6	56,7	61,0	63,1	64,6	64,8
Канада	38,5	42,1	44,9	46,0	48,6	49,6
Чили	14,0	17,0	19,6	21,0	23,5	23,9
Чехия	20,5	23,0	28,7	31,8	34,6	35,3
Дания	51,4	54,7	58,4	60,2	63,9	64,9
Эстония	Н/Д	18,6	24,7	29,0	31,0	32,5
Финляндия	39,4	45,9	51,1	52,6	53,2	55,5
Франция	47,1	51,7	55,6	56,5	59,0	59,8
Германия	45,9	50,5	54,3	56,2	59,1	60,5
Греция	26,2	30,2	33,5	34,4	32,4	32,0
Венгрия	18,9	20,5	26,3	30,5	31,4	32,0
Исландия	32,2	36,5	44,9	51,2	53,3	55,5
Ирландия	36,5	45,5	52,2	62,1	81,5	85,9
Израиль	27,0	29,2	30,9	33,0	35,2	35,7
Италия	44,8	47,2	47,5	47,1	47,9	48,0
Япония	31,4	35,2	38,3	39,5	41,4	41,8
Южная Корея	13,8	18,4	22,9	29,3	32,1	34,3
Латвия	Н/Д	15,5	22,7	25,1	28,8	31,1
Литва	14,5	18,1	25,2	30,4	34,6	36,7
Люксембург	72,4	78,6	80,7	79,6	81,0	79,5
Мексика	16,7	18,4	18,3	17,6	18,6	18,8
Голландия	49,1	54,4	58,4	60,0	61,9	62,6
Новая Зеландия	30,2	32,1	33,7	35,9	38,1	37,3
Норвегия	64,3	71,7	80,4	76,7	78,7	80,7
Польша	15,3	20,1	24,3	28,4	31,7	33,9
Португалия	27,9	30,2	31,9	34,2	35,1	34,9
Словакия	18,0	22,7	28,9	34,4	38,4	40,0
Словения	21,9	28,0	33,1	35,2	36,4	39,1
Испания	40,6	40,8	41,3	44,3	46,8	47,5
Швеция	43,0	49,1	56,6	58,1	61,3	61,7
Швейцария	46,7	51,2	54,2	57,1	58,0	59,2
Турция	20,4	23,1	28,3	30,7	36,4	38,1
Великобритания	39,7	44,7	49,7	51,4	52,3	52,5
США	44,5	50,0	56,8	62,1	63,4	64,2
ЕС (28 стран)	35,8	39,8	43,2	45,0	47,4	48,2
G7	41,3	46,2	50,9	53,8	55,7	56,5
OECD – Всего	Н/Д	39,2	43,1	45,3	47,3	48,1
Россия	15,0	15,3	19,5	22,9	23,7	24,1
ЮАР	Н/Д	Н/Д	16,8	19,5	21,7	19,2

Источник / Source: OECD.

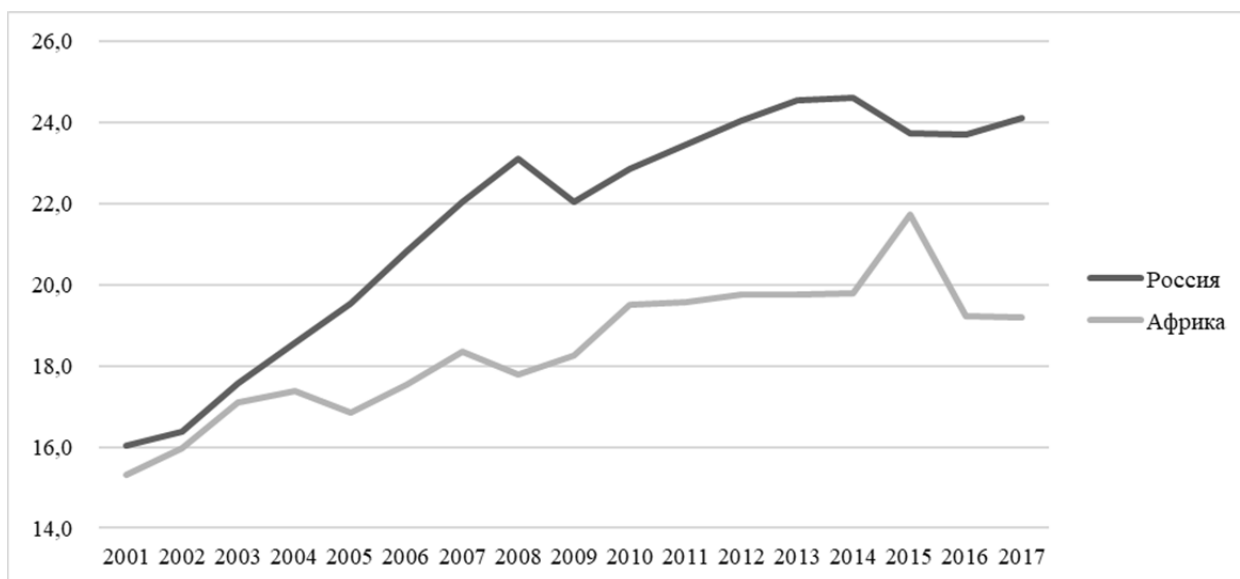

Рис. 1 / Fig 1. Динамика РПТ в 1995–2017 гг. в России и ЮАР, долл. США на 1 ч работы, постоянные цены 2010 г. / Dynamics of Real Productivity in Russia and South Africa, in \$US per 1 hour, constant prices 2010

Источник / Source: рассчитано авторами по данным OECD / calculated by the authors according to OECD data.

Таблица 2 / Table 2

Динамика относительной РПТ (США = 100%), % / Dynamics of relative Real Productivity (USA = 100), %

Страна / год	1995	2005	2017
Ирландия	82,0	91,9	133,8
Норвегия	144,6	141,6	125,7
Люксембург	162,8	142,1	123,9
Дания	115,5	102,9	101,2
Бельгия	118,2	107,5	101,0
США	100,0	100,0	100,0
Нидерланды	110,4	102,9	97,5
Франция	105,9	97,9	93,2
Швейцария	105,1	95,4	92,3
Германия	103,3	95,6	94,2
Италия	100,7	83,6	74,7

Источник / Source: рассчитано авторами по данным OECD / calculated by the authors according to OECD data.

щество двух является исчезающе малым. Данное обстоятельство вызвано тем фактом, что после распада СССР Соединенные Штаты на 25 лет оказались в качестве непревзойденного лидера по всем направлениям и, прежде всего, технологическому. Параллельно усилению США шло относительное ослабление европейских стран. При этом США придерживались крайне жесткой в социальном

отношении модели трудовых отношений, которая в той или иной степени передавалась и в другие страны ядра. Страны же, не перенявшие эту модель, начинали утрачивать позиции в мировой системе РПТ, что наглядно представлено в табл. 2.

Несмотря на временную победу американской экономической модели, есть все основания утверждать, что в будущем фактор эксплуатации труда

снова станет одним из ведущих и будет определять место той или иной страны в мировой экономике. В XXI в. все популярнее становятся рассуждения о технологической гегемонии в терминах экосистем, что включает в себя условия труда и степень эксплуатации; в новейшей истории в условиях четвертой промышленной революции технологический прогресс без успехов в этих сферах теряет всяческий смысл.

ПОНИЖАТЕЛЬНЫЙ МИРОВОЙ ТРЕНД В ДИНАМИКЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Особого внимания заслуживает вопрос о динамике РПТ. Если рассмотреть два больших ретроспективных интервала — 1995–2005 и 2006–2017 гг., то можно увидеть довольно явный тренд к сокращению темпов роста РПТ (табл. 3).

Нетрудно заметить, что практически во всех странах мира, представленных в табл. 3, выполняется неравенство $\alpha(1995-2005) > \alpha(2006-2017)$, где α — темп прироста РПТ за соответствующий период времени. Исключением из правила являются только две страны — Испания и Ирландия. Установленная закономерность особенно хорошо визуализируется на рис. 2, на котором видно, что линия 2006–2017 гг. «пробивается» линией 1995–2005 гг. только в двух указанных географических точках.

Сброс технологических оборотов за два рассматриваемых временных периода весьма значителен. Например, для Италии произошло 8-кратное падение темпов роста РПТ, для России имело место их 1,5-кратное сокращение; для таких стран, как Греция и Люксембург отмечается вообще полная инверсия режима — с активного технологического прогресса на явную технологическую деградацию.

Указанный тренд позволяет говорить о вхождении мировой экономики в стадию низких темпов развития. Причем это явление является тотальным — низкие темпы экономического роста сопровождаются низкими темпами душевого ВВП и низкими темпами технологического прогресса (РПТ). На такой траектории конкуренция между странами становится особенно острой и жесткой. Достаточно указать, что разница в темпах роста РПТ между Ирландией и Италией составляет 44 раза. Совершенно очевидно, что при таких различиях в технологическом развитии за относительно небольшой промежуток времени произойдет принципиальная перестановка в уров-

не благосостояния населения указанных стран. В этом контексте Россия занимает «срединное» положение — динамичность ее технологического развития в 2,5 раза ниже, чем в Ирландии и в 18 раз выше, чем в Италии. Данное обстоятельство дает вполне приличные шансы России для отыгрыша позиций на мировой технологической арене.

Подобные периоды глобального замедления мировой экономики можно назвать режимом неомальтузианской ловушки [20]. В такие периоды, как правило, наблюдается антагонизм между технологическим прогрессом и социальной направленностью развития общества — одно сдерживает другое. На этих стадиях одни страны стараются переложить свои проблемы на другие, менее развитые страны, и тем самым безболезненно пройти депрессивный период. Россия находится в эпицентре данного процесса с некоторыми осложняющими обстоятельствами в виде международных санкций и тотальной бюрократизации экономики. Тем самым понижающийся тренд в динамике РПТ ставит перед Россией вызовы, на которые ей предстоит реагировать в самое ближайшее время.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧЕЙ НЕДЕЛИ

Подходы к оценке производительности труда в рамках методологии ОЭСР (РПТ) и МОТ (НПТ) тесно связаны между собой. Функциональное уравнение связи для них выглядит следующим образом: $РПТ = НПТ/СЧЧ$, где СЧЧ — среднее число отработанных часов одним работником; РПТ и НПТ — реальная и номинальная ПТ. Тогда данное соотношение может быть переписано в темповой форме:

$$\alpha_{РПТ} = \alpha_{НПТ} - \alpha_{СЧЧ}, \quad (6)$$

где $\alpha_{РПТ}$, $\alpha_{НПТ}$ и $\alpha_{СЧЧ}$ — темпы прироста РПТ, НПТ и СЧЧ соответственно.

Отсюда вытекает простой вывод: рост часовой рабочей нагрузки на человека уменьшает реальную производительность труда. Иными словами, НПТ может возрастать не столько из-за технологического прогресса как такового, сколько за счет экстенсивной эксплуатации человека на рабочем месте. Заметим, что феномен эксплуатации здесь понимается в расширенном ключе, т.е. он может быть обеспечен извне — работодателем, и изнутри — самими работником в результате

Таблица 3 / Table 3

Темпы прироста РПТ по странам мира / The rate of growth of Real Productivity by country

Страна	Средний темп прироста РПТ за 1995–2005 гг.	Средний темп прироста РПТ за 2006–2017 гг.
Литва	5,7	3,2
Южная Корея	5,3	3,4
Ирландия	3,8	4,4
Словакия	4,9	2,8
Польша	4,9	2,8
Турция	3,6	2,6
Словения	4,2	1,5
Исландия	2,9	1,8
Чехия	3,6	1,8
Чили	4,2	1,7
Венгрия	4,5	1,7
Россия	2,7	1,8
США	2,3	1,0
Швеция	2,7	0,7
Финляндия	2,6	0,7
Австралия	2,0	1,3
Латвия	8,0	2,7
Япония	2,1	0,7
Австрия	1,7	1,0
Великобритания	2,2	0,5
Израиль	1,2	1,2
Эстония	5,8	2,4
Германия	1,7	0,9
Канада	1,5	0,8
Нидерланды	1,5	0,6
Франция	1,7	0,6
Швейцария	1,5	0,8
Дания	1,3	0,9
Норвегия	2,3	0,0
Португалия	1,4	0,8
Новая Зеландия	1,1	0,9
Бельгия	1,3	0,5
Греция	2,5	–0,4
Испания	0,2	1,2
ЮАР	2,5	1,2
Мексика	0,3	0,3
Люксембург	1,2	–0,1
Италия	0,8	0,1

Источник / Source: рассчитано авторами по данным OECD / calculated by the authors according to OECD data.

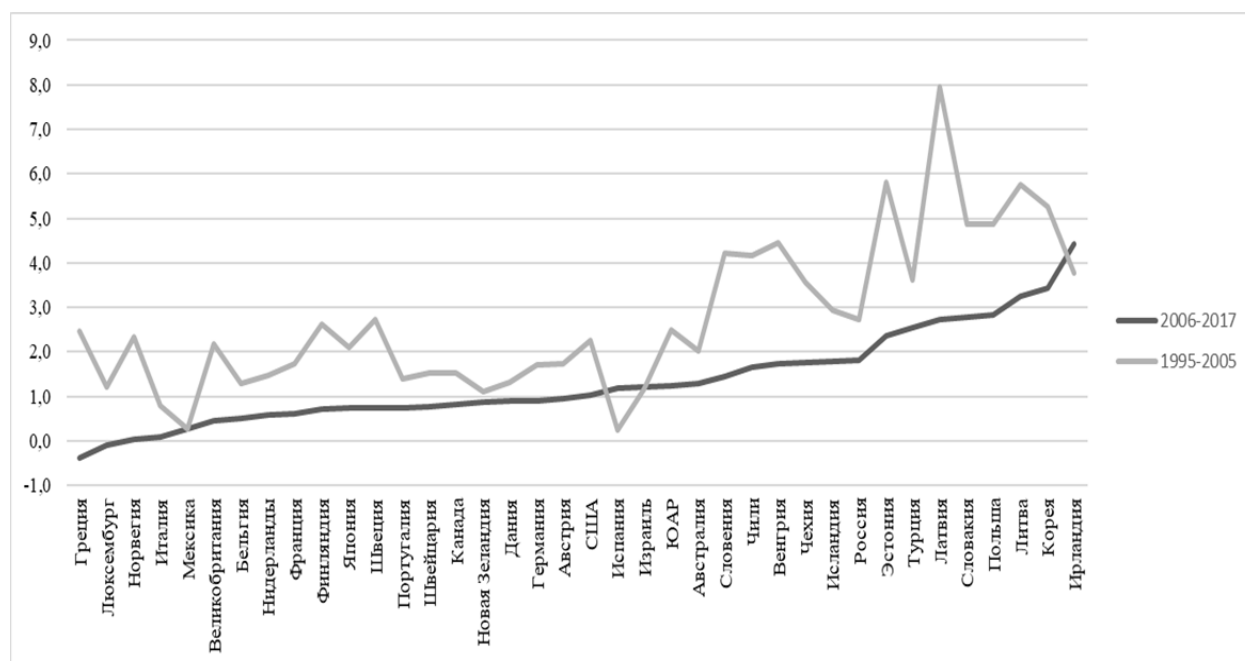

Рис. 2 / Fig. 2. Среднегодовые темпы роста РПТ за два периода времени /
The average annual growth rate of Real Productivity over two periods

Источник / Source: рассчитано авторами по данным OECD / calculated by the authors according to OECD data.

Таблица 4 / Table 4

Данные о динамике РПТ и СЧЧ для России / Data on the dynamics of Real
Productivity and average hours worked per employee for Russia

Год	РПТ, долл. США на 1 ч	СЧЧ, ч
1995	15,0	1891
2005	19,5	1989
2017	24,1	1980

Источник / Source: рассчитано авторами по данным OECD / calculated by the authors according to OECD data.

Таблица 5 / Table 5

Темпы прироста РПТ, НПТ и СЧЧ для России, % / The rate of growth of Real Productivity,
Nominal Productivity and average hours worked per employee for Russia, %

Годы	Темпы прироста		
	РПТ	НПТ	СЧЧ
1995–2005	30,2	35,4	5,2
2006–2017	23,4	22,9	–0,5
1995–2017	60,6	65,3	4,7

Источник / Source: рассчитано авторами по данным OECD / calculated by the authors according to OECD data.

добровольной самоэксплуатации. Суть дела от этого не меняется, так как в обоих случаях речь идет о прогрессе, обеспеченном экстенсивным вовлечением труда.

Для апробации тождества (6) воспользуемся данными табл. 4; результаты балансовых расчетов приведены в табл. 5, которая позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, для России характерны два периода роста производительности труда с прямо противоположными тенденциями в коэффициенте эксплуатации. Так, если в 1995–2005 гг. рост НПТ происходил в числе прочих факторов за счет экстенсивного увеличения рабочего времени, то на временном интервале 2006–2017 гг. этот процесс приостановился и даже принял противоположную направленность. Главный вывод из сказанного состоит в том, что в России фактор эксплуатации труда не был нейтральным, а выступал в качестве активного резерва повышения эффективности производства, что характерно, как правило, для бедных и слаборазвитых стран мира. Тем самым Россия в своей стратегии роста ПТ придерживалась сценария развития, характерного для стран периферии, и только в последнее десятилетие стала отходить от этой порочной установки. Подобные колебания в стратегии роста ПТ лишний раз подтверждает вывод о принадлежности России к группе полупериферийных государств. Что касается количественной стороны данного вопроса, то фактор эксплуатации на интервале 1995–2005 гг. был достаточно ощутимым, давая 14,7% всего прироста НПТ и тем самым вуалируя медленный технологический прогресс.

Во-вторых, для России предыдущего этапа развития в целом имел место антисоциальный технологический прогресс, идущий параллельно с усилением эксплуатации людей. Однако сегодня есть признаки, свидетельствующие об осознании регулятором данной проблемы и смене старой парадигмы. Об этом говорит заявление главы Правительства РФ Дмитрия Медведева на 108-й Международной конференции труда в Женеве⁶. Премьер-министр поддержал усилия МОТ по подготовке перехода на четырехдневную рабочую неделю.

Данное заявление можно считать программным для российской политики ближайшего десятилетия.

⁶ Трунина А. Медведев предсказал сокращение рабочей недели до четырех дней. РБК, 11.06.2019. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/06/2019/5cff7c999a7947dbc95eed6e>.

В частности, Д. Медведев упомянул опыт новозеландской инвестиционной компании Perpetual Guardian, которая весной 2018 г. ввела для своих сотрудников опцию перехода на четырехдневную рабочую неделю. Этот переход осуществлялся не в приказном порядке, а на основе добровольного выбора сотрудников. По мнению основателя Perpetual Guardian Эндрю Барнса, дополнительный выходной позволит резко увеличить производительность четырех рабочих дней. Аналогичная мера была введена в отношении сотрудников колл-центра британской компании Simply Business, где сохранили зарплату за 30-часовую неделю такой же, что и за 38-часовую. В IT-компании Planio, также перешедшей на 4-дневную неделю, считают, что переработки не только не приносят пользы, но представляют собой главную угрозу продуктивности⁷.

Таким образом, новый международный тренд в сфере трудовых отношений состоит в переходе на укороченную рабочую неделю за счет эквивалентного повышения ПТ. Россия впервые за последние три десятилетия официально присоединилась к этому движению. Надо сказать, что подобные акции в мировой истории периодически повторяются. Хрестоматийным примером является переход с 48-часовой на 40-часовую рабочую неделю после удачного опыта автосборочного завода Генри Форда, где это было сделано впервые⁸.

Оставив пока в стороне достижимость намеченной социальной инновации, подчеркнем тот факт, что благодаря ей Россия оказалась в состоянии своеобразной «технологической бифуркации», когда решается, по какому пути она пойдет — по пути развитых стран ядра или по пути развивающихся стран периферии. На наш взгляд, это типичная официальная манифестация попытки российского истеблишмента преодолеть синдром полупериферийности.

ПРОГНОЗНЫЕ ОЦЕНКИ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В РОССИИ

Нет никакого сомнения в том, что Правительство РФ сделало правильную ставку в попытках

⁷ Вардуль Н. Медведев предложил работать четыре дня: когда ждать заветных изменений. Московский комсомолец, 18.06.2019, № 27999. URL: https://www.mk.ru/economics/2019/06/17/medvedev-predlozhit-rabotat-chetyre-dnya-kogda-zhdai-zavetnykh-izmeneniy.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

⁸ Там же.

Таблица 6 / Table 6

Прогнозные параметры ПТ России / Forecast parameters of Real Productivity of Russia

Показатель производительности труда	Прогнозный сценарий	
	инерционный	нормативный
Среднегодовой темп прироста относительной ПТ России	0,26	1,40
Относительная ПТ России в 2030 г.	41,1	57,4
Относительная ПТ России в 2038 г.	43,2	71,5

Источник / Source: рассчитано авторами по данным OECD / calculated by the authors according to OECD data.

ускорения роста ПТ и выхода из клуба полупериферийных государств. Однако более острым является вопрос о реализуемости намеченной программы. Сегодня уже некоторые аналитики скептически оценили возможности страны в этом направлении. По их мнению, при текущих темпах роста производительности для достижения относительно безболезненного сокращения рабочей недели потребуется 20 лет⁹. Дадим свою альтернативную и, как нам кажется, более беспристрастную оценку будущих изменений.

Рассмотрим два прогнозных сценария — инерционный, основанный на сложившемся в 2006–2017 гг. тренде сокращения дистанции в ПТ между Россией и США, и нормативный, основанный на объявленных в нормативных документах целях по ускорению роста ПТ в России. Согласно первому сценарию, средний ежегодный рост относительной ПТ России составляет совсем скромную величину (табл. 6). Если такая тенденция сохранится, то даже к 2038 г. Россия будет отставать от США более чем в 2 раза. Таким образом, инерционный сценарий не сулит стране ничего хорошего и равносителен ее сохранению в группе полупериферийных государств.

Нормативный сценарий предполагает рост ПТ на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5% в год. По нашим примерным оценкам, данный сегмент экономики, выступающий в качестве драйвера развития, способен обеспечить определенное ускорение другой части экономики с выходом на средние темпы роста ПТ по стране в 2,5%. ПТ в США в пе-

риод 2005–2017 гг. росла средним темпом в 1,1%. Следовательно, темпы роста относительной ПТ России в нормативном сценарии могут составить порядка $2,5 - 1,1 = 1,4\%$. При таких темпах к 2030 г. Россия превысит первый значимый порог в половину от ПТ США (табл. 6).

Вместе с тем, следует заметить, что превышение 50%-ного порога ПТ США еще не означает качественно нового этапа развития. Таковой возникает, как правило, после преодоления так называемой технологической границы, под которой понимается такой уровень ПТ, при котором стране становится экономически целесообразно переходить от широкомасштабного заимствования иностранных технологий к осуществлению собственных инноваций. Расчеты указанной границы, проведенные в 2019 г. в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации, дали оценку в 71%. Именно преодоление этой отметки будет означать переход национальной экономики к этапу инновационной зрелости, когда Россия станет полноправным поставщиком новых технологий на мировом рынке роялти. Расчеты показывают, что преодоление технологической границы при нормативном сценарии может произойти в 2038 г. (см. табл. 6); инерционный сценарий не позволяет пройти эту границу в обозримые сроки.

Таким образом, простые прогнозные оценки дают понимание масштаба проблемы ПТ для России. Инерционный сценарий фактически отрицает саму возможность выхода России из клуба полупериферийных государств, но и нормативный прогноз, являющийся во многом предельно оптимистичным, отодвигает желаемое событие на период примерно в 20 лет. Для компенсации введения 4-дневной рабочей недели требуется 20%-ный рост ПТ, что при реализации нормативного сценария возможно только через 14 лет — в 2033 г. Данный результат показывает преждевременность самой

⁹ Вардуть Н. Медведев предложил работать четыре дня: когда ждать заветных изменений// «Московский комсомолец», № 27999, 18.06.2019. URL: https://www.mk.ru/economics/2019/06/17/medvedev-predlozil-rabotat-chetyre-dnya-kogda-zhdai-zavetnykh-izmeneniy.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

задачи по переходу к укороченной рабочей неделе. По нашему мнению, такой переход является оправданным для стран ядра, которые являются инновационными драйверами мировой экономики. В противном случае будет иметь место ситуация, когда страна, являющаяся инновационным аутсайдером, внедряет максимально либеральное трудовое законодательство, не имея на это никаких экономических оснований. Судя по результатам прогнозных оценок, сокращение рабочей недели должно быть также отложено на 2038 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный выше анализ показал, что Россия по уровню ПТ попадает в группу стран мировой полупериферии. Такое место страны на мировой арене исключает ее нормальное развитие и вхождение в обозримой перспективе в клуб избранных — стран мирового ядра. В связи с этим представляются полностью оправданными и своевременными широкомасштабные инициативы Правительства РФ по ускорению ПТ во всех звеньях народного хозяйства. Вместе с тем реализовать намеченные мероприятия будет довольно проблематично, прежде всего, из-за вхождения мировой экономики в режим «технологического охлаждения» с низкими темпами роста ПТ. В то же время Россия имеет определенный потенциал ускоренного роста, который можно поддерживать и за счет этого решить указанную задачу.

Прогнозные расчеты показали, что намеченные в нормативных документах страны ориентиры роста ПТ являются весьма амбициозными, но все-таки недостаточными для быстрой ликвидации синдрома технологической полупериферийности. Фактически серьезных результатов в деле технологического развития можно ожидать не ранее 2038 г., на который целесообразно отнести и реформу сокращения рабочей недели на 1 день. Можно сказать, что сама цель премьер-министром России Д. Медведевым обозначена верно, но ее достижение целесообразно осуществлять не в виде масштабной единовременной акции, а мелкими шагами — путем сокращения рабочей недели на 1 ч каждые 3 года. Это позволит двигаться в русле мирового тренда по снижению эксплуатации работников и строить социально ориентированную экономику, но вместе с тем не перегружать ее глубокими институциональными преобразованиями без адекватных для этого ресурсов.

Проведенные прогнозные расчеты являются во многом отрезвляющими и показывают, насколько сильно отстала Россия от стран мирового ядра. Судя по всему, накопленное отставание ни при каких обстоятельствах не может быть ликвидировано в сжатые сроки, в связи с чем следует готовиться к длительному ралли по постепенному отыгрышу Россией своих утраченных позиций в технологической сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Николаев И.А., Марченко Т.Е. Производительность труда: задачи, особенности расчета, сравнения. М.: Институт стратегического анализа ФБК; 2018.
2. Utriainen V.-E. A comparative analysis of productivity and productivity factors in the EU and USA over the period 1995–2015. Finland: Aalto University; 2017. 58 p.
3. Buchele R., Christiansen J. Employment and Productivity Growth in Europe and North America: the Impact of Labour Market Institutions. *International Review of Applied Economics*. 1999;13(3):313–332. DOI: 10.1080/026921799101571
4. Palazuelos E., Fernandez R. Labor Productivity: A Comparative Analysis of the European Union and United States, 1994–2007. *New Political Economy*. 2010;15(3):325–344. DOI: 10.1080/13563460903288239
5. McMillan M., Rodrik D., Verduzco-Gallo I. Globalization, Structural Change, and Productivity Growth, with an Update on Africa. *World Development*, 2014;(63):11–32. DOI: 10.1016/j.worlddev.2013.10.012
6. Sakamoto T. Four Worlds of Productivity Growth: A Comparative Analysis of Human Capital Investment Policy and Productivity Growth Outcomes. *International Political Science Review*, 2018;39(4):531–550. DOI: 10.1177/0192512116685413
7. Бакатина Д., Дювьесар Ж.-П., Клинцов В., Кругманн К., Ремес Я., Солженицын Е., Швакман И. Эффективная Россия. Производительность как фундамент роста. М.: McKinsey Global Institute; 2009. 180 с.
8. Бессонов В.А., Гимпельсон В.Е., Кузьминов Я.И., Ясин Е.Г. Производительность и факторы долгосрочного развития российской экономики. *Материалы X Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества*. Книга 1. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ; 2010.

9. Кондратьев В.Б., Куренков Ю.В. Проблемы повышения эффективности российской экономики. *Мировая экономика и международные отношения*. 2008;(12):34–43.
10. Lavrovskii B. L. Russian and World Trends in Productivity. *Studies on Russian Economic Development*, 2015;26(3):278–284. DOI: 10.1134/S 1075700715030090
11. Петров А.И. Анализ места Российской Федерации на мировой карте производительности труда и возможностей изменения ее роли в мировой экономике. *Фундаментальные исследования*. 2015;(12):177–180.
12. Капелюк З.А. Сравнительный анализ производительности труда в России и странах мира. *Потребительская кооперация*, 2018;60(1):59–63.
13. Ленчук Е.Б. Производительность труда в России и в мире. Влияние на конкурентоспособность экономики и уровень жизни. *Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ*. 2016;628(29):15–22.
14. Зайцев А.А. Межстрановые различия в производительности труда: роль капитала, уровня технологий и природной ренты. *Вопросы экономики*. 2016;(9):67–93.
15. Чернопятав А.М. К вопросу производительности труда в Российской Федерации. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2018;7(12A):131–144.
16. Киреев В.Е. Производительность, доходность и интенсивность труда: Россия и страны ОЭСР. *Вестник УрФУ. Серия экономика и управление*. 2017;16(2):308–326. DOI: 10.15826/vestnik.2017.16.2.016
17. Федченко А. Методические подходы к исследованию производительности труда. *Экономика труда*. 2016;3(1):41–62. DOI: 10.18334/et.3.1.35153
18. Смирнова Е.А., Тарасова Е.А., Постнова М.В. Методические аспекты измерения производительности. *Экономика труда*. 2018;5(4):1263–1276. DOI: 10.18334/et.5.4.39640
19. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: ИД «Территория будущего»; 2006. 248 с.
20. Балацкий Е.В. Глобальные вызовы четвертой промышленной революции. *Terra Economicus*. 2019;17(2):6–22. DOI: 10.23683/2073–6606–2019–17–2–6–22

REFERENCES

1. Nikolaev I. A., Marchenko T. E. Labor productivity: tasks, features of calculation, comparison. Moscow: FBK Institute of Strategic Analysis; 2018. (In Russ.).
2. Utriainen V.-E. A comparative analysis of productivity and productivity factors in the EU and USA over the period 1995–2015. Finland: Aalto University; 2017. 58 p.
3. Buchele R., Christiansen J. Employment and Productivity Growth in Europe and North America: the Impact of Labour Market Institutions. *International Review of Applied Economics*. 1999;3(13):313–332. DOI: 10.1080/026921799101571
4. Palazuelos E., Fernandez R. Labor Productivity: A Comparative Analysis of the European Union and the United States, 1994–2007. *New Political Economy*. 2010;3(15):325–344. DOI: 10.1080/13563460903288239
5. McMillan M., Rodrik D., Verduzco-Gallo I. Globalization, Structural Change, and Productivity Growth, with an Update on Africa. *World Development*. 2014;(63):11–32. DOI: 10.1016/j.worlddev.2013.10.012
6. Sakamoto T. Four Worlds of Productivity Growth: A Comparative Analysis of Human Capital Investment Policy and Productivity Growth Outcomes. *International Political Science Review*. 2018;4(39):531–550. DOI: 10.1177/0192512116685413
7. Bakatin D., Duveusart J.-P., Klintsov V., Krogmann K., Remes, J., Solzhenitsyn E., Shwachman I. Effective Russia: Performance as the foundation of growth. Moscow: McKinseyGlobalInstitute; 2009. 180 p. (In Russ.).
8. Bessonov V., Gimpelson V., Yasin E., Kuzminov Ya. [Productivity and factors of the long-term development of the Russian economy]. *Materialy X Aprel'skoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. Kniga 1*. [Proc. X International Academic Conference on Economic and Social Development]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2010:11–61. (In Russ.).
9. Kondrat'ev V., Kurenkov Y. Problems of Improving the Russian Economy Efficiency. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya=World Economy and International Relations*. 2008;(12):34–43. (In Russ.).

10. Lavrovskii B. L. Russian and World Trends in Productivity. *Studies on Russian Economic Development*. 2015;3(26):278–284. DOI: 10.1134/S 1075700715030090
11. Petrov A. I. The Analysis of the Russian Federation Place on the World Card of Labour Productivity and Opportunities of Its Role Change in World Economy. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2015;(12):177–180. (In Russ.).
12. Kapeliuk Z. A. Comparative Analysis of Labour Productivity in Russia and the World. *Potrebitel'skaya kooperatsiya*. 2018;1(60):59–63. (In Russ.).
13. Lenchuk E. B. Labour Productivity in Russia and the World. Impact on the Competitiveness of the Economy and Standard of Living. *Analiticheskii Vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya RF*. 2016;29(628):15–22. (In Russ.).
14. Zaytsev A. International differences in labour productivity: Role of capital, technological level and resource rent. *Voprosy Ekonomiki*. 2016;(9):67–93. (In Russ.).
15. Chernopyatov A. M. On the issue of labour productivity in the Russian Federation. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. 2018;12A(7):131–144. (In Russ.).
16. Kireev V. E. Productivity, Profitability and Intensity of Labor: Russian and the OECD. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie*. 2017;2(16):308–326. (In Russ.). DOI: 10.15826/vestnik.2017.16.2.016
17. Fedchenko A. Methodological Approaches to Studying of Labor Productivity. *Ekonomika truda*. 2016;1(3):41–62. (In Russ.). DOI: 10.18334/et.3.1.35153
18. Smirnova E. A., Tarasova E. A., Postnova M. V. Productivity measurement methodological aspects. *Ekonomika truda*. 2018;4(5):1263–1276. (In Russ.). DOI: 10.18334/et.5.4.39640
19. Wallerstein I. World-System Analysis: An Introduction. Moscow: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego»; 2006. 248 p. (In Russ.).
20. Balatsky E. V. Global Challenges of the Fourth Industrial Revolution. *Terra Economicus*. 2019;2(17):6–22. (In Russ.). DOI: 10.23683/2073–6606–2019–17–2–6–22

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгений Всеволодович Балацкий — доктор экономических наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований, Финансовый университет,

Москва, Россия

evbalatsky@inbox.ru

Наталья Александровна Екимова — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра макроэкономических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

n.ekimova@bk.ru

ABOUT THE AUTHORS

Evgeny V. Balatsky — Doctor of Economics, Professor, Director of the Macroeconomic Research Center of the Department of Economic Theory, Financial University, Moscow, Russia

evbalatsky@inbox.ru

Natalia A. Ekimova — Ph.D. of Economics, Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Macroeconomic Research, Financial University, Moscow, Russia

n.ekimova@bk.ru

Статья поступила 14.06.2019; принята к публикации 21.06.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 14.06.2019; accepted for publication on 21.06.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.